

УДК 343.43

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
В РЕТРОСПЕКТИВНОМ АСПЕКТЕ****Е.А. КОРОТИЧ***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)*

Исследуется проблематика становления системы преступлений против личной свободы человека. Обращение к историческому методу познания названной системы продиктовано необходимостью выявления основных закономерностей и тенденций в развитии уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану личной свободы. Знание этих дефиниций способствует не только формированию целостного представления об исследуемом явлении, но и является одной из предпосылок совершенствования действующего уголовного закона в рассматриваемой области, поскольку позволяет установить причины криминализации соответствующих деяний, а также социальную обусловленность уголовно-правовых запретов. На основе изучения норм наиболее значимых источников права раскрыты основные направления уголовно-правовой охраны личной свободы человека на разных этапах развития общества и государства, представлено авторское видение этапов становления такой охраны, а также отмечено влияние предыдущих законодательных и доктринальных подходов на современное состояние уголовного закона в исследуемой области.

Введение. Как справедливо отмечают авторы Курса уголовного права (Общая часть), «историко-сравнительный метод познания уголовного права принадлежит к числу важнейших методологических законов», позволяющих выявить основные тенденции его эволюционного становления [1, с. 16 – 17]. Давая представление относительно факторов объективной действительности, оказывающих наибольшее влияние на содержание уголовно-правовых запретов, метод историзма предоставляет возможность спрогнозировать дальнейшее развитие уголовного закона, тем самым способствует процессам совершенствования последнего. Кроме того, исследование системы уголовно-правовых норм в историческом ракурсе является одним из способов формирования целостного представления относительно системы данных норм.

Таким образом, придерживаясь тезиса о том, что «история науки предостерегает повторения прежних ошибок и повторного открытия одного и того же», полагаем целесообразным исследование системы преступлений против личной свободы человека с точки зрения истории ее становления.

История становления норм о преступлениях против личной свободы человека. Очевидно, что история развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против личной свободы – неотъемлемая часть всемирной истории, отражающая закономерности развития общества и государства. Действительно, если проследить основные этапы становления системы уголовно-правовых норм, призванных обеспечивать охрану личной свободы человека, нетрудно заметить, что их перечень, а главное, характер содержащихся в них запретов всегда соответствовали общим началам организации общественно-экономической жизни той или иной эпохи, принципам функционирования государственной власти, господствующей идеологии и преобладающей системе ценностей. Так, если в период рабовладельческого общества, равно как и в пришедшей на смену эпохи феодализма, ограничение личной свободы отдельных категорий лиц составляло сущность общественно-политического уклада жизни, в связи с чем такое ограничение не рассматривалось законодателем в качестве преступного, то, как справедливо отмечает А.В. Панкратов, «с началом развития так называемой капиталистической формации, с приходом буржуазных революций все большее внимание уделяется естественным правам граждан, и в этом русле отдельные преступления против личной свободы постепенно становятся анахронизмом» [2, с. 4]. В контексте сказанного при характеристике основных этапов развития института уголовно-правовой охраны личной свободы человека представляется целесообразным опираться на нормы тех законодательных актов, которые в наибольшей степени отражали состояние правового сознания конкретной исторической эпохи и одновременно являлись наиболее заметными в части закрепления исследуемых преступлений. С этой точки зрения, одной из первых попыток установления уголовной ответственности за посягательства на личную свободу человека следует считать юридическое оформление рассматриваемого института в первом кодексе феодального права восточнославянских народов – Русской Правде, Краткая редакция которой (по самому древнему – академическому – списку) в статье 29 предусматривала наказание в виде штрафа за увод, похищение холопа либо рабы (по древнерусскому праву – крепостные мужчина и женщина соответственно). Несмотря на внешне очевидную направленность указанной статьи на защиту личной свободы отдельных категорий лиц, норма, содержащаяся в ней, не может быть оценена однозначно: с одной стороны, было криминализовано посягательство на личную свободу зависимой категории населения – похищение, однако, с другой стороны, предписания статьи 29 и ее место в системе норм рас-

смаатриваемого источника права определенно указывают на то, что такого рода криминализация являлась исключительно средством обеспечения имущественных прав феодала.

Дальнейшее развитие нормы об ответственности за посягательства на личную свободу получают в так называемой Пространной редакции Русской Правды, статья 61 которой, закрепив положение: «Продасть ли господин закупа обель, то наимиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже» – по сути, создала законодательное препятствие полной утрате личной свободы экономически зависимой категорией сельского населения. Помимо названной статьи, определенные правовые гарантии личной свободы получили отражение и в тех статьях Русской Правды, которые ограничивали источники обращения свободного населения в состояние полного холопства (например, статья 110).

Основная цель законодательного закрепления подобного рода норм – ограничение случаев полного закрепощения отдельных категорий населения, хотя в основе такого законодательного решения, по-прежнему, обеспечение экономических интересов господствующего сословия; личная свобода феодально-зависимого населения охраняется законом не столько как самостоятельная ценность, сколько как имущество, принадлежащее феодалу. Подтверждением тому является статья 38, которая, проводя различие между украденным скотом и челядином только по признаку наличия у последнего языка, позволяющего установить личность похитителя, по сути, приравнивает похищение холопа к хищению собственности феодала. Кроме того, анализ норм Русской Правды позволяет сделать вывод о том, что личная свобода зависимого населения по-прежнему продолжает оставаться предметом купли-продажи, иных сделок, о чем свидетельствуют, в частности, положения статей 38 и 118. Причем, как подчеркивается в специальных исследованиях, такое положение, будучи реализацией естественного разделения социальных функций людей, по сути, отражало экономические, личные и иные интересы не только феодалов, но и зависимой категории населения [3, с. 9]. Таким образом, ни Краткая, ни Пространная редакции Русской Правды непосредственно личную свободу человека не подвергали уголовно-правовой охране, а все нормы, так или иначе связанные с ее обеспечением, преследовали совершенно иные цели.

Влияние Русской Правды на развитие уголовного законодательства сказывалось вплоть до XVI века, что подтверждается результатами специальных исследований. Так, польский ученый И. Раковецкий на основе сравнительного анализа норм Русской Правды и Статутов Великого княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ), прежде всего Литовского Статута 1529 г., пришел к выводу «о включении норм Правды ... в состав этого памятника XVI в.» [4, с. 29]. Со Статутов ВКЛ (1529 г., 1566 г., 1588 г.) заметно расширяется и в некоторой мере совершенствуется правовая охрана личной свободы человека: ответственность за посягательства на личную свободу дифференцируется в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего; закрепляется достаточно прогрессивная как в технико-юридическом отношении, так и в плане содержания норма об ответственности феодалов за посягательство на личную свободу шляхтича (ст. 28, разд. XI Статута 1588 г.); впервые в истории отечественного уголовного законодательства регламентируется ответственность за похищение женщины с целью вступления в брак (ст. 9, разд. XI Статута 1566 г., ст. 13 Статута 1588 г.); обнаруживается дальнейшее стремление законодателя предупредить посягательства на личную свободу отдельных категорий лиц посредством нормативного ограничения случаев утраты личной свободы (ст. 12, разд. XI Статута 1529 г., ст. 13, разд. XII Статута 1566 г., ст. 21, разд. XII Статута 1588 г.). Устанавливается запрет обращать в вечную неволю свободного человека за совершенное им преступление (ст. 6, разд. XI Статута 1529 г., ст. 7, разд. XII Статута 1566 г., ст. 11, разд. XII Статута 1588 г.), хотя санкция за подобное деяние в нормах закона не предусматривается.

Вместе с тем, будучи источниками феодального права, Статуты ВКЛ не были лишены сословно обусловленных начал ограниченности нормативных предписаний: несмотря на декларирование принципа единства права для всех людей (ст. 1, разд. I Статута 1588 г.), в данном источнике закрепляются юридические гарантии прав и привилегий лишь представителей феодального сословия. В области уголовно-правовой охраны личной свободы указанное положение проявилось в том, что свобода отдельных категорий населения по-прежнему признавалась предметом гражданско-правовых сделок (купли-продажи, особого вида залога и т.д.). Это находит подтверждение в нормах статьи 10 раздела XI Статута 1529 года («если бы кто-нибудь продал в рабство своего сына или свободного человека»), статьи 19 раздела XII Статута 1588 года («о свободных людях, которые во время голода продают себя в неволю, и о продаже иной челяди невольной»), статьи 22 раздела XII Статута 1588 года («если бы кто кому передал слугу, а тот слуга, причинив вред, убежал бы от него») и др. Несомненно, более совершенный подход к вопросу уголовно-правовой охраны личной свободы человека, получивший отражение в нормах Статутов ВКЛ (особенно в Статуте 1588 г.), тем не менее, был лишен необходимой последовательности и системности. Нормы о преступлениях против личной свободы были рассредоточены по разным разделам, а нормативное закрепление ответственности за отдельные посягательства рассматриваемой группы носило четко выраженный казуальный характер (например, ст. 5 разд. XI Статута 1566 г., ст. 9 Статута 1588 г.).

После разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) земли Беларуси вошли в состав России. Несмотря на то, что начали действовать законы Российской империи, нормы Статута ВКЛ 1588 года от-

менены не были, на что неоднократно указывалось в специальной литературе [5, с. 149; 6, с. 267]. В частности, Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс, П.Г. Чигринов отмечают, что основным законодательным актом на Беларуси до 1840 года оставался Статут Великого княжества Литовского, который оказал определенное влияние на развитие русского права [7, с. 30; 8, с. 285]. В контексте сказанного очередным этапом в становлении института уголовно-правовой охраны личной свободы человека следует считать принятие и введение в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (с последующими изменениями и дополнениями). По сравнению с предыдущими законодательными актами Уложение отличается более четкая, соответствующая объектам посягательства систематизация преступлений, которая, к сожалению, не была реализована в полной мере относительно исследуемых преступных посягательств: нормы об ответственности за их совершение по-прежнему оставались рассредоточенными по различным разделам и главам. Более того, некоторые преступления против личной свободы человека влекли ответственность не по нормам Уложения, а по нормам Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и Воинского Устава о наказаниях.

Отметим наиболее важные положения Уложения 1845 года в части охраны личной свободы человека. Как указывается в специальной литературе, «основным признаком, объединяющим преступления против свободы, являлся присущий всем им элемент насильственности. Каждое из преступлений представляло собой насильственное воздействие на личность, направленное к тому, чтобы заставить эту личность совершить какое-либо действие либо, наоборот, воздержаться от его совершения» [9, с. 17].

Исходя из общности признаков объективной стороны преступления против личной свободы человека, предусмотренные Уложением 1845 года, в теории уголовного права подразделялись на следующие группы: 1) задержание и заключение (ст. 1540 – 1544); 2) продажа в рабство и торг африканскими неграми (ст. 1410, 1411); 3) похищение женщин и детей (ст. 1407 – 1409, 1529, 1530, 1549, 1580 – 1582). Следует отметить, что преступные деяния последних двух групп были криминализованы за рамками раздела, объединяющего статьи о наказуемости преступлений против «жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» (раздел X Уложения 1845 г.).

Характеризуя задержание и заключение, В.В. Есипов указывал на то, что, в отличие от похищения женщин и детей, продажи в рабство и торга африканскими неграми (полное лишение свободы), данные деяния являются частичным, временным лишением свободы потерпевшего, средством совершения которого выступает непосредственный захват человека [10, с. 63 – 64, 69]. При этом если в случае задержания внешняя сторона преступления имеет, по словам автора, характер отрицательный, «в виде невыпуска из какого-либо помещения», то при заключении, напротив, «требуется деятельность положительная, направленная на то, чтобы свободное лицо поставить в невозможность пользоваться своей свободой» [10, с. 70].

Устанавливая ответственность за самовольное, насильственное лишение свободы, разработчики Уложения тяжесть наказания ставят в зависимость от длительности ограничения свободы потерпевшего, законодательно закрепляя при этом следующие сроки: не более недели, свыше одной недели, но не более трех месяцев и свыше трех месяцев. Помимо временного критерия, основанием повышения ответственности за незаконное задержание и заключение в Уложении признавалось: 1) оскорбительное для задержанного обхождение, что влекло повышение наказания на одну степень (ст. 1541); 2) истязания или иные мучения, а равно тяжкая болезнь лица, лишенного свободы, как следствие самовольного задержания или заключения, что влекло за собой назначение высшей меры наказания, предусмотренной за истязания (ст. 1542); 3) смерть задержанного или заключенного, что влекло избрание такой меры наказания, как ссылка на каторжные работы (ст. 1543); 4) лишение свободы поименованных в законе лиц, в частности, родственника или близкого родственника в восходящей, нисходящей или в боковых линиях и др., за что предусматривалось повышение наказания на две или три степени (ст. 1544).

Глава IX Раздела X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» включала и нормы об ответственности за угрозу. Следует отметить, что в дореволюционной уголовно-правовой доктрине состав «угрозы» хотя традиционно и относился к системе преступлений против личной свободы человека, однако указывалось, что угроза, «если она не превращается в принуждение», «может и не стеснять свободы того, кому угрожают, как это бывает, например, когда угрожают из мести причинить какое-либо преступление, не обуславливая его тем или иным поведением угрожаемого субъекта» [11, с. 132]. В условиях отсутствия в Уложении 1845 года общей нормы о принуждении такой подход представлялся вполне обоснованным и позволял рассматривать отдельные акты принуждения в качестве угрозы или насилия. Действительно, при более внимательном анализе соответствующих норм оказывается, что квалифицированные виды угроз, ответственность за совершение которых предусмотрена главой IX Уложения 1845 года («простая» угроза была криминализована в статьях 139 – 141 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), по существу, являлись разновидностями принуждения. Так, согласно статье 1545 Уложения угроза убийством или поджогом влекла ответственность лишь при условии, «когда к тому было присоединено требование» передать или выдать деньги, вещи, письменный

акт, «что-либо иное, либо принять невыгодное обязательство, или отказаться от права», а в статье 1546 была предусмотрена ответственность за угрозу любым насилем, соединенную с таким же требованием.

В литературных источниках по уголовному праву того периода (в частности, [10, с. 64]) к системе преступлений против личной свободы человека нередко относилось и такое посягательство, как самоуправство, состоящее в нарушении неприкосновенности чужого жилища, которое было криминализовано не только за рамками Раздела X Уложения 1845 года, но и в ином источнике права – Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (ст. 142). Следует отметить, что решающую роль в этом вопросе сыграла исторически сложившаяся традиция приравнивать неприкосновенность жилища к личной неприкосновенности, или «неприкосновенности тѣлесной» [12, с. 136], в связи с чем названный доктринальный подход утвердился и в судебной практике. Так, высшая судебная инстанция Российской Империи, коей являлся Правительствующий Сенат, в 1872 году постановила, что «самоуправство непременно должно быть соединено с насилем, поскольку ... является посягательством на личную свободу, а не на имущество» [13, с. 41].

Как указывалось выше, нормы об ответственности за посягательства на личную свободу человека в форме похищения были рассредоточены по различным главам и разделам Уложения 1845 года, соответственно, подобного рода деяния признавались законодателем либо преступлениями против прав состояния, либо посягательствами на брачный союз и т.д., хотя в теории уголовного права преобладала совершенно иная концепция: все виды похищения, криминализованные в рамках Уложения, включались в систему преступлений против личной свободы человека. Определяя похищение человека как «физическій захват личности въ различныхъ цѣляхъ» [14, с. 95], теория уголовного права относила к данному преступлению следующие деяния: «1) продажа въ рабство; 2) участие въ торгъ неграми; 3) похищеніе младенцевъ; 4) удержаніе заблудившихся дѣтей и 5) похищеніе женщинъ» [12, с. 104].

Появление норм об ответственности за продажу в рабство (ст. 1410) и торг африканскими неграми (ст. 1411) было обусловлено заключением в этот период ряда международных актов, возлагавших на государства соответствующие обязательства по криминализации работорговли (например, Лондонского договора о запрете торговли африканскими неграми и продаже их в рабство 1841 г.). Несмотря на то, что работники Уложения 1845 года признали названные деяния преступлениями против прав состояния, видные ученые того периода справедливо отмечали, что «несравненно болѣе важный и характерный признак» данных деяний «составляет лишеніе свободы» [14, с. 96].

Похищение детей (ст. 1407 – 1409), как и предыдущие посягательства, относилось Уложением 1845 года к системе преступлений против прав состояния, однако в юридической литературе такое законодательное решение подвергалось обоснованной критике. Так, Л.С. Белогриц-Котляревский по этому поводу отмечал: «... это деяние совершается не только с намерением скрыть права состояния малолетнего, но и с другими целями, например, с целью мести, устранения сонаследника, получения выкупа и т.п., поэтому правильнее, вслед за германским, венгерским, голландским и новым русским уложением, его относить к посягательствам против свободы» [15, с. 382]. В зависимости от характера совершаемых действий закон различал 3 формы похищения детей: 1) собственно похищение, т.е. «физическій захват ребенка изъ-подъ охраны родителей или лицъ, ихъ заступающихъ, вопреки ихъ воли» [14, с. 98]; 2) подмену младенцев и 3) незаконное оставление (удержание) заблудившегося ребенка. С учетом названных форм похищения конкретизировались цели и мотивы совершения преступления, которые в свою очередь играли определяющую роль при решении вопроса об избрании вида и размера наказания. Следует отметить, что относительно возрастных характеристик потерпевших закон не содержал каких-либо указаний, ограничиваясь понятиями «младенец», «ребенок» или «дитя». В научных комментариях того периода по этому вопросу разъяснялось: «Въ отношеніи возраста его имѣетъ значеніе руководящій взглядъ на самое посягательство. Если оно разсматривается какъ преступленіе противъ правъ состоянія, то необходимо ограничиваться возрастомъ нѣжнымъ, пока ребенокъ еще не сознаетъ своего происхожденія и не можетъ дать опредѣлительныхъ указаній о своихъ родителяхъ... что предполагаетъ возрастъ не свыше 6 – 7 летъ, а въ нѣкоторыхъ и менѣе. Напротивъ, при взглядѣ на это дѣяніе какъ на посягательство противъ свободы, возрастъ можетъ быть поставленъ выше ...» [14, с. 97].

Нормы об ответственности за похищение женщин были закреплены в главе 4 раздела X (ст. 1529, 1530) и главе 1 раздела XI (ст. 1549, 1580 – 1582). Все виды похищения женщин подразделялись на насильственные и ненасильственные деяния [16, с. 82]. Исходя из способа преступления, законодатель конкретизировал цели его совершения, закрепляя в рамках отдельных статей нормы об ответственности за похищение женщины с целью вступления в брак (ст. 1549) либо с целью причинения вреда доброму имени похищенной (ст. 1530) и т.д. Причем уголовно наказуемым признавалось похищение женщины даже с ее согласия или по ее воле.

Таким образом, систематизация норм об ответственности за преступления против личной свободы, необходимость в которой существовала уже давно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года только началась, в связи с чем институт уголовно-правовой охраны личной свободы

человека в рамках данного документа не получил должного закрепления. Несмотря на это обстоятельство, названное Уложение имело существенное значение, поскольку стало основой для дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства в исследуемой области. Кроме того, именно в период его действия появляются первые научные обоснования необходимости приведения норм об ответственности за преступления против личной свободы человека в единую систему на основе определения сущности объекта уголовно-правовой охраны.

Характерной особенностью преступлений против личной свободы человека криминалисты того периода называли высокую степень их общественной опасности. Отмечая данное свойство рассматриваемых посягательств, выдающийся русский ученый С.В. Познышев писал: «Одно из необходимых условий общественного прогресса и развития личности в обществе – возможное устранение из общественной жизни господства грубой физической силы, правовая защита каждого от произвола и насилия других. Поэтому преступления против свободы необходимо должны занимать более или менее видное место в уголовном кодексе. Предметом этих преступлений служит свобода действий, свобода определяться к той или иной деятельности или бездействию, свобода избирать себе место пребывания и т.д.» [11, с. 131]. Сходной позиции относительно сущности объекта преступлений против личной свободы придерживались и другие видные представители дореволюционной уголовно-правовой доктрины: «Выработавшееся из рабства, понятие свободы обнимает следующие права: право локомотии или свободы передвижения из одной местности в другую и право самоопределяемости к действию или бездействию» [12, с. 95]. На основе такого рода понимания личной свободы в теории уголовного права строилась и классификация посягательств на нее. В частности, И.Я. Фойницкий все криминализованные в уголовном законе посягательства на личную свободу подразделял на три группы:

«Къ первой принадлежатъ дѣянiя, посягающiя на свободу отдѣльныхъ актовъ дѣятельности чело­вѣка и состоящiя въ принужденiи его что-либо сдѣлать или не дѣлать, испытать или перенести какое-нибудь ощущенiе...

Ко второй группѣ относятся дѣянiя, состоящiя въ ограниченiи свободы передвиженiя на больше или меньше продолжительное время. ...

Наконецъ, къ третьей группѣ принадлежитъ похищенiе или захватъ людей, цѣли котораго могутъ быть разнообразныя, въ зависимости отъ чего стоитъ и различная степень вторженiя дѣянiй этой группы въ область свободы...» [14, с. 86].

Результаты доктринальных исследований проблемы уголовно-правовой охраны личной свободы человека стали основой для последующего переосмысления конструкции рассматриваемой системы преступлений на законодательном уровне, получив отражение в Уголовном Уложении 1903 года. В отличие от предыдущего уголовного закона Уложение 1903 года являлось, несомненно, более совершенным правовым документом. Вместе с тем в части обеспечения уголовно-правовой охраны личной свободы человека нельзя не отметить его противоречивости: с одной стороны, для данного документа характерно появление ранее не известных законодательству обобщенных формулировок норм об ответственности за отдельные преступления против личной свободы; с другой – сохраняется присущая прежним законодательным актам излишняя казуистичность уголовно-правовых запретов. Несмотря на то, что нормы Уложения об ответственности за преступления против личной свободы не были введены в действие в полном объеме (исключение составляла ст. 500), оно заслуживает особого внимания в части законодательного закрепления исследуемого института.

Прежде всего, следует отметить, что в данном законе впервые в истории отечественного уголовного законодательства нормы об ответственности за рассматриваемые посягательства были структурированы в рамках самостоятельной рубрики – главы 26 «О преступных деяниях против личной свободы». Данная глава включала нормы об ответственности за лишение личной свободы путем: 1) задержания или заключения (ст. 498 – 500); 2) продажи или передачи в рабство или неволю, торга неграми или приспособления либо вооружения для этого судна (ст. 501); 3) похищения ребенка (похищения, сокрытия, подмены, невозвращения и оставления ребенка – ст. 502 – 504); 4) похищения женщины (несовершеннолетней, незамужней – ст. 505 – 506); 5) принуждения (ст. 507 – 509); 6) угрозы (ст. 510); 7) насильственного вторжения в чужое здание, помещение или иное огороженное место (ст. 511 – 512). Правда, как верно подчеркивается в специальных исследованиях, критерием объединения указанных норм (как, впрочем, подразделения и иных уголовно-правовых норм по главам) являлась в большей степени схожесть внешних характеристик преступных посягательств, а «не объект совершенного преступления» [17, с. 62].

Характерной чертой Уголовного Уложения стала не только новая группировка составов преступлений против личной свободы человека: редакционные изменения коснулись и самих норм об ответственности за их совершение. В частности, разработчики Уложения 1903 года внесли коррективы в перечень квалифицирующих признаков задержания и заключения, дополнив его новыми основаниями повышения наказания: помещение заведомо неодержимого душевной болезнью человека в больницу умалишенных и заключение лица женского пола, не внесенного в список публичных женщин, в притоне раз-

врата (ст. 500). Нормы об ответственности за такие посягательства на личную свободу человека, как продажа и передача человека в рабство, торг неграми, приготовление или вооружение судна для такого торгового предприятия, были объединены в рамках одной статьи (ст. 501). Определенные изменения коснулись и норм об ответственности за похищение детей: во-первых, Уложение четко определило возрастные характеристики потерпевшего (им признавался ребенок в возрасте до 14 лет), во-вторых, был дополнен перечень квалифицирующих обстоятельств. Что касается похищения женщин, то, как и предыдущий закон, Уголовное Уложение различало похищение несовершеннолетней и достигшей совершеннолетия, замужней женщины и не состоящей в браке. На основе указанных признаков конкретизировалась цель совершения преступления и дифференцированно определялся вид и размер наказания.

Как было показано выше, пересмотру подверглись представления законодателя относительно основной направленности таких преступных деяний, как угроза (ст. 510) и насильственное вторжение в чужое здание, помещение или иное огороженное место (ст. 511, 512): нормы об ответственности за данные посягательства были помещены в главе 26, что нельзя признать удачным законодательным решением.

Таким образом, к моменту становления советского уголовного законодательства была разработана достаточно прогрессивная теоретико-правовая концепция охраны личной свободы человека, которая, к сожалению, не получила должного внимания со стороны советского законодателя. Причиной тому, в первую очередь, стала идеологизированная установка, согласно которой уголовное право, имеющее своей задачей «борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития», не могло приспособиться для решения данной задачи «буржуазные кодексы пережитой эпохи» и должно было сдать их «в архив истории» [18, с. 57].

Уголовный кодекс (далее – УК) РСФСР 1922 года, действие которого с 1 июля 1922 года было распространено на всю территорию Белоруссии (с 1924 г. – УК Белорусской Советской Социалистической Республики), закрепил ответственность за такие посягательства на личную свободу человека, как: насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, совершенное путем задержания или помещения его в каком-либо месте (ст. 159), лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы, или сопровождавшееся для него мучениями (ст. 160), помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов (ст. 161), похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов (ст. 162). Признаки составов указанных преступлений определялись нормами статей, расположенных в разделе «Телесные повреждения и насилие над личностью», что, безусловно, не могло не вызвать критических замечаний. В частности, в юридической печати по данному вопросу было отмечено: «Незаконное лишение свободы и частный его вид – незаконное помещение в больницу для душевнобольных не связаны или во всяком случае могут быть и не связаны с нанесением телесных повреждений... Объектом посягательств при анализируемых преступлениях является личная свобода человека. С этой точки зрения было бы наиболее целесообразным создание в главе о преступлениях против личности особого раздела о посягательствах на личную свободу, включив в него незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу и другие преступления, связанные с посягательствами на личную свободу ...» [19, с. 42].

Трактовка личной свободы исключительно в контексте одной из форм ее внешнего проявления – свободы перемещения – сохранилась и в УК БССР 1928 года, в связи с чем система преступлений против личной свободы человека в новом уголовном законе не претерпела существенных изменений. Преемственность по отношению к УК 1924 года проявилась и в том, что не подверглись серьезному пересмотру и сами нормы об ответственности за посягательства на личную свободу. Что касается изменений, то они имели, скорее, формальный характер, и сводились к следующему: 1) нормы об ответственности за названные выше посягательства были объединены в рамках главы VI «Преступления против личности»; 2) в норме о незаконном лишении свободы исключается особое указание на насильственный характер данного преступления; 3) сокращается круг посягательств на личную свободу человека за счет признания такого деяния, как лишение свободы способом, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или соединенного с причинением последнему физических страданий, квалифицированным составом незаконного лишения свободы (п. «б» ст. 226 УК); 4) некоторому пересмотру подвергаются признаки субъективной стороны состава похищения, сокрытия или подмены чужого ребенка (ст. 228 УК).

В Уголовном кодексе БССР 1928 года, равно как и в предыдущем уголовном законе, были декриминализованы такие известные дореволюционному уголовному законодательству деяния, как угроза и продажа в рабство. Исчезли нормы об ответственности за принуждение. В то же время следственно-судебная практика по делам о преступлениях против личной свободы руководствовалась получившим закрепление в первых советских уголовных кодексах принципом применения уголовного закона по аналогии. В частности, как отмечают М. Давитадзе и Д. Бауськов, в случаях, «когда похищение человека совершалось с целью выкупа за освобождение и когда похищение не было опасным для жизни или здоровья и не сопровождалось мучениями, ответственность наступала за покушение на грабеж или разбой ...» [9, с. 18]. Имела место и обратная ситуация: в силу отсутствия в уголовном законе нормы об ответственности за торговлю

несовершеннолетними, действия лица, которое «приобрело» ребенка, не похищая его, «например, по “заказу”», квалифицировались как «похищение» [20, с. 23].

Уголовный кодекс БССР 1960 года в первоначальной редакции (введен в действие с 1 апреля 1961 г.) еще в большей степени, нежели предыдущие законы, ограничил область уголовно-правовой охраны личной свободы человека, исключив из числа наказуемых такое деяние, как помещение заведомо здорового лица в больницу для психически больных. Кроме того, в норме об ответственности за похищение ребенка было декриминализовано посягательство в форме сокрытия. В итоге глава 8 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» содержала только две статьи, предусматривающие ответственность за преступления против личной свободы человека: статью 123 «Похищение или подмен ребенка» и статью 124 «Незаконное лишение свободы».

Несмотря на то, что в УК БССР 1960 года за период его действия неоднократно вносились изменения и дополнения, в части уголовно-правовой охраны личной свободы человека он долгое время оставался более, чем стабилен. И только на рубеже 80 – 90-х годов круг уголовно наказуемых деяний против личной свободы был расширен посредством криминализации таких посягательств, как захват заложников (ст. 124¹) и незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 124²). Кроме того, изменяется редакция статьи 123 УК: диспозицией части 1 данной статьи определяются признаки основного состава похищения человека, похищение же несовершеннолетнего признается квалифицирующим признаком данного состава преступления; в диспозиции части 3 статьи 123 предусматривается ответственность за подмен чужого ребенка; исключается указание на специальную цель совершения данных преступлений. Признаки составов преступных посягательств, предусмотренных статьями 123 и 124, законодателем раскрыты не были. Что касается нормы об ответственности за захват заложников (ст. 124¹), то сфера ее действия изначально была значительно ограничена примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения такого преступления на территории СССР, когда лицо, захватившее или удерживающее заложника, находится на территории СССР, и это лицо, а также заложник являются гражданами СССР» (в ред. Указа Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 30 июля 1987 г. № 1625-XI).

Таким образом, как справедливо отмечает А.Г. Блажнов, «советский этап развития уголовного законодательства характеризовался снижением степени карательного воздействия за совершение преступлений против свободы человека, сужением понимания свободы человека (в уголовно-правовом значении) лишь до свободы передвижения (права локомоции)» [21, с. 37].

Новый этап уголовно-правового регулирования отношений в сфере охраны личной свободы человека связан с принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (введен в действие с 1 января 2001 г.), в котором получил отражение достаточно рациональный подход к проблеме построения законодательного ряда норм об ответственности за преступления против личной свободы, учитывающий реалии современной исторической действительности и международные обязательства Республики Беларусь. Принятый в рамках судебно-правовой реформы, УК 1999 года отчасти воплотил как положительный опыт предшествующих уголовных законов, так и ряд прогрессивных идей уголовного законодательства зарубежных государств в исследуемой области.

Новый уголовный закон отличало, прежде всего, значительное расширение круга посягательств на личную свободу человека (что, в частности, свидетельствовало об изменении представления о сущности данного объекта уголовно-правовой охраны), а также некоторое структурное обособление норм об ответственности за их совершение в рамках главы 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Помимо уже ставших традиционными похищения человека (ст. 182 УК), незаконного лишения свободы (ст. 183 УК) и незаконного помещения в психиатрическую больницу (ст. 184 УК) к системе преступлений против личной свободы были отнесены торговля людьми (ст. 181 УК) и вербовка людей для эксплуатации (ст. 187 УК). В новом УК появилась и общая норма об ответственности за принуждение (ст. 185 УК). В отличие от уголовных кодексов ряда государств постсоветского пространства (Украина, Эстонская Республика, Латвия, Грузия), в УК Республики Беларусь 1999 года норма об ответственности за захват заложника была перенесена в главу 27 «Преступления против общественной безопасности». Напротив, преступлением против личной свободы человека была признана угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК). Помимо структурных изменений в уголовном кодексе был осуществлен и содержательный пересмотр норм об ответственности за рассматриваемые преступления, связанный, в том числе с отказом от простых диспозиций данных норм.

Последующее развитие уголовного закона в части охраны личной свободы было продиктовано главным образом увеличением фактов торговли людьми, ошибками правоприменения, связанными, прежде всего, с недостатками нормативного описания признаков состава данного преступления, а также необходимостью борьбы с различными проявлениями эксплуатации человека. На основе Закона Республики Беларусь от 4 мая 2005 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней право-

нарушения» была не только существенно реформирована статья 181 УК («Торговля людьми»), но и криминализовано такое преступное деяние, как незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК), в известной мере сопутствующее торговле людьми. В 2008 году система норм о преступлениях против личной свободы человека была дополнена нормой об ответственности за использование рабского труда (ст. 181-1 УК).

Заключение. Историко-правовой анализ уголовного законодательства в области охраны личной свободы человека позволяет заключить следующее:

1) на всех этапах развития общества и государства личная свобода человека становилась объектом правовой охраны, однако содержание и назначение механизмов данной охраны на каждом этапе были неразрывно связаны с принципами организации социально-политического уклада жизни общества, экономической основой функционирования государства, системой преобладающих ценностей и сущностью господствующей идеологии;

2) для института уголовно-правовой охраны личной свободы человека характерна тенденция не столько прогрессивного, сколько эволюционного развития, демонстрирующего определенную цикличность в части изменения качественной составляющей данного института, что в полной мере соответствует цикличности развития общества и государства. Правда, в тех случаях, когда отсутствовала поступательность в развитии соответствующего законодательного материала, данный недостаток отчасти восполнялся достижениями уголовно-правовой доктрины;

3) история становления уголовно-правовой охраны личной свободы человека так или иначе демонстрирует попытки законодателя обеспечить охрану данной свободы не только в части внешних форм ее проявления (так называемой физической свободы), но и с точки зрения внутренней составляющей личной свободы, коей может быть признана свобода волеизъявления человека.

Исходя из содержания наиболее значимых источников отечественного уголовного права, представляется возможным выделить следующие этапы в становлении института уголовно-правовой охраны личной свободы человека:

1) протоохрана, или охрана личной свободы отдельных категорий лиц, осуществляемая преимущественно в контексте обеспечения прав и свобод третьих лиц;

2) становление института уголовно-правовой охраны личной свободы человека и формирование элементов системного подхода к построению перечня уголовно-правовых запретов в данной области;

3) утверждение в уголовном законе концепции физической свободы и юридическое оформление ограничительного подхода к вопросу уголовно-правовой охраны личной свободы человека (советский и отчасти постсоветский периоды);

4) современный период уголовно-правовой охраны личной свободы, отражающий антропоцентрические начала в организации отношений «человек – общество – государство», а также рекомендации доктрины уголовного права и международные стандарты в области охраны указанного правового блага.

Учитывая историческую составляющую исследуемой системы преступлений, все посягательства на свободу человека, криминализованные в действующем уголовном законе, могут быть условно подразделены на следующие группы: 1) преступные деяния, известные предшествующим периодам развития уголовного законодательства и вошедшие в модифицированном виде в современный УК Республики Беларусь (в частности, незаконное лишение свободы, похищение человека, незаконное помещение в психиатрическую больницу, торговля людьми); 2) преступления, появившиеся в уголовном законе Республики Беларусь в результате современного национального правотворчества, в том числе на основе принятых международных обязательств (например, незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, использование рабского труда).

Как показывает проведенное ретроспективное исследование, большинство преступлений, признаваемых белорусским законодателем посягательствами на личную свободу человека, могут быть отнесены к первой классификационной группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов. – 624 с.
2. Панкратов, В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.
3. Витушко, В.А. Цивилизационная сущность правовых принципов равенства, свободы и личной безопасности / В.А. Витушко // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2008. – № 2. – С. 4 – 21.

4. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т.; под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т. 1. Законодательство Древней Руси; отв. ред. тома В.Л. Янин. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
5. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 2000. – 319 с.
6. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2011. – 552 с.
7. Довнар, Т.И. Государство и право Беларуси в XIV – XVI веках: учеб. пособие / Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс. – Минск: Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1993. – 33 с.
8. Чигринов, П.Г. История Беларуси с древности до наших дней: учеб. пособие / П.Г. Чигринов. – Минск: Книжный дом, 2004. – 672 с.
9. Давитадзе, М. Историко-правовой анализ установления уголовной ответственности за похищение человека / М. Давитадзе, Д. Бауськов // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 16 – 18.
10. Есипов, В.В. Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск 1: Преступления личные / В.В. Есипов. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1895. – 102 с.
11. Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений / С.В. Познышев. – изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1912. – 499 с.
12. Неклюдов, Н.А. Руководство к Особенной части Русского уголовного права / Н.А. Неклюдов. – СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1876. – Т. 1: Преступления и проступки против личности. – 539 с.
13. Снахова, М.Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Р. Снахова. – М., 2002. – 197 л.
14. Фойницкий, И.Я. Курсъ Уголовнаго права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественныя / И.Я. Фойницкий. – Шестое издание. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – 451 с.
15. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев: Южно-Русское Книгоиздательство, 1903. – 618 с.
16. Нуркаева, Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики: моногр. / Т.Н. Нуркаева. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. – 254 с.
17. Евстифеева, Е.В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Евстифеева. – Саратов, 2002. – 200 л.
18. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.: сб. докум. по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917 – 1952 гг. / под ред. [и с предисл.] И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 464 с.
19. Меньшагин, В. Преступления против личности по проекту УК СССР / В. Меньшагин // Социалистическая законность. – 1937. – № 9. – С. 34 – 51.
20. Беляева, Л.И. Торговля несовершеннолетними и меры борьбы с ней / Л.И. Беляева, Н.Г. Кулакова. – М.: Изд-во «Рудомино», 2002. – 133 с.
21. Блажнов, А.Г. Незаконное лишение свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Блажнов. – Омск, 2005. – 168 л.

Поступила 04.10.2012

CRIMES AGAINST PERSONAL FREEDOM IN RETROSPECTIVE ASPECT

E. KOROTICH

The problem of the system of crimes against personal freedom is studied. The reference to the historical method of learning of the named system is dictated by necessity of revealing of the basic regularities and tendencies for development of Criminal law, providing personal freedom protection. Knowledge of these definitions promotes not only the formation of complete representation about the investigated phenomenon, but also is one of preconditions of the current criminal law perfection in the considered area as it allows to establish the reasons of criminalization of corresponding acts, and also social conditionality of criminally-legal prohibitions. On the basis of studying of the most significant legal sources the basic directions of personal freedom protection at different stages of social and state development are disclosed, the author's view on the main stages of formation of such protection is stated, and also the influence of the previous legislative and doctrinal approaches on the current criminal law in investigated area is noted.